

М.А. Краснов*

Л.С. МАМУТ И ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

В статье подвергается разбору одна из активно отстаиваемых Л.С. Мамутом идей – государства как публично организованного общества. Автор предлагает свой взгляд на эту теоретическую конструкцию, поскольку видит в ней некоторые опасности, прежде всего опасность теоретического обоснования снятия ответственности с публичной власти. Проводится мысль о том, что конструкция публично организованного общества имеет право на существование, но не является универсальной.

—о Л.С. Мамут, государство, народ, публично организованное общество, ответственность, ответственность народа.

У Леонида Соломоновича Мамута практически до конца его жизни было очень крепкое рукопожатие. Я бы не вспомнил об этом, если бы физическая крепость удивительно точно не отражала твердость самой личности Мамута, в том числе его убеждений...

Такую прочность («верность принципам») часто понимают как исповедание в течение всей жизни одних и тех же взглядов – идеологических, политических, научных. Однако это качество нередко присуще и тем, кто менял свои убеждения. Но при одном условии: если это является *плодом мучительной внутренней эволюции*. Поскольку мне это близко, часто вспоминаю и привожу мысль Л. Шестова: «История перерождения убеждений – ведь это прежде всего история их рождения. Убеждения вторично рождаются в человеке на его глазах, в том возрасте, когда у него достаточно опыта и наблюдательности, чтобы сознательно следить за этим великим и

* Заведующий кафедрой конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, ординарный профессор (e-mail: mkrasnov@hse.ru).

глубоким таинством души»¹. И философ приводил пример такого вторичного рождения: «От прошлых убеждений Достоевского, от того, во что он веровал в молодости, когда впервые вошел в кружок Белинского, не осталось ни следа. Обыкновенно люди считают поверженных кумиров все же богами и оставленные храмы – храмами. *Достоевский же не то что сжег – он втоптал в грязь все, чему когда-то поклонялся. Свою прежнюю веру он уже не только ненавидел – он презирал ее* (выделено мной. – М.К.)»².

Не знаю, всегда ли был Л.С. Мамут сторонником того, что государство следует понимать как публично организованное общество, но в 1990-е гг. – время, когда он принял меня в число своих собеседников, – активно проповедовал эту идею. Причем весьма эмоционально. Помню, как задевали и даже возмущали его чьи-либо высказывания, в которых государство противопоставлялось обществу. Это видно и по его работам. Например, в одной из своих замечательных книг он приводил цитату из статьи известного психолога В.П. Зинченко, утверждавшего, что недоверие граждан «к власти, к чиновникам, к милиции, к средствам массовой информации, к почте, к домоуправлению и т.д. и т.п. – это нормальная, здоровая защитная реакция на хроническое, длящееся многие десятилетия вранье». И Леонид Соломонович возмущался: «Получается, по В.П. Зинченко, что в нашем государстве чиновники, сотрудники милиции, военнослужащие, люди, работающие в банках, в системе связи, в жилищно-коммунальных конторах и т.д. и т.п., то есть миллионы **российских** граждан, – **не россияне** ("не-народ")»³.

Идея публично (государственно) организованного общества и мне казалась правильной, хотя я сознавал, насколько далека она от обыденного восприятия государства – как чуждой человеку, холодной, равнодушной и оттого безжалостной машины, представители, служители (или «детали»?) которой скорее соответствуют описанию А.П. Чехова: «Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например, судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально;

¹ Шестов Л. Достоевский и Ницше // Шестов Л. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. Л.В. Полякова. М., 1995. С. 26.

² Там же. С. 28.

³ Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М., 1999. С. 39–40.

с этой стороны они *ничем не отличаются от мужика, который на задворках режет баранов и телят и не замечает крови*» (выделено мной. – М.К.)⁴. Тем не менее я соглашался с самой теоретической конструкцией. Она казалась мне плодотворной для того нового мира, который, как думалось, строит Россия: ведь в этой идее заложена первичность общества и вторичность публичной власти.

Однако вскоре после президентских выборов 1996 г. мое отношение к этой идее несколько изменилось. Нет, это не было ее переосмыслением, а скорее было похоже на то, как в сумерках постепенно начинаешь различать все больше деталей. Ситуация, сложившаяся в первой половине 1990-х гг. в России, была ситуацией *революционной* смены государственного и общественного строя. А всякая революция предполагает или несет фундаментальный раскол в обществе и политикуме. В таких условиях приходится не замечать «полутонов», ибо мыслишь категориями «победа – поражение», а не «баланс», «взвешенность» и т.п.

Как только в моем восприятии действительности стали «проявляться детали», я увидел в идее публично организованного общества другую ее сторону и понял, что эта идея не обладает универсализмом – ни «историческим», ни «политическим».

Прежде всего замечу, что в этой теоретической конструкции *феноменологический* смысл понятия государства смешивается с *функциональным*. К тому же сама феноменология государства имеет как бы два уровня: на первом государство действительно предстает как публично организованное общество, на втором – как известная «трехчленка» Г. Еллинека: территория – население – публичная власть⁵, которую и Л.С. Мамут не подвергал сомнению⁶. И вот государство как феномен «пересекается» с функциональным смыслом государства – как субъекта конституционно-правовых отношений. Но в этом, втором качестве, понятие «государство» *редуцируется до понятия «публичная власть»*. Идея же публично организованного общества, применяемая в функциональном смысле (точнее, ее раскрытие), не учитывает такой редукции. Поэтому примененная в функциональном смысле эта идея создает теоретическую основу, с

⁴ Чехов А.П. Палата № 6 // Чехов А.П. Сочинения. В 18 т. Т. 8. М., 1985. С. 78.

⁵ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. 2-е изд. СПб., 1908. С. 206.

⁶ См.: Мамут Л.С. Указ. соч. С. 19.

одной стороны, оправдания фактически любых решений и действий публичной власти (ее персонификатора), с другой – снятия с нее ответственности.

Определение государства как публично организованного общества неизбежно порождает вопрос о *синкретичности народа (общества)*⁷ и *государства*. Во взглядах Л.С. Мамута, как представляется, преобладала идея синкретичности.

Он, в частности, писал: «Публичная власть имеет двойную объективацию (двоющим образом опредмечивается). С одной стороны, она объективируется в людях, *во всех людях*, составляющих государственно-организованное общество; это их деятельностью, практической энергией актуализируется и реализуется публичная власть как социальная функция. С другой – она объективируется *в сети структур публично-властных отношений, институтов, норм, процедур, ролей* и т.д.; эти структуры воспроизводятся и видоизменяются человеческой деятельностью, но вместе с тем они же обеспечивают и направляют ее. Оба момента объективации публичной власти *абсолютно обязательно* предполагают друг друга»⁸. И из этого он делал вывод, что *«имманентность публичной власти обществу, конструктивность по отношению к нему исключают их взаимное противостояние»*⁹. Проще говоря, раз все мы участвуем в публично-властных отношениях, значит, «не вправе» противопоставлять себя государству.

Конечно, в разных контекстах люди по-разному воспринимают слово «государство». Например, говоря «государство меня обмануло» или «государство мне дало», обычно имеют в виду законы или подзаконные акты (решения правительства или президента), а когда «я обманул государство», – какое-то действие в узком сегменте (будь то проезд на транспорте «зайцем» или получение денег по поддельным государственным бумагам). Иногда под «государством» понимается президент, а иногда – обычный государственный служащий. Но так или иначе за «государством» всегда стоит публичная

⁷ Не буду здесь развивать вопрос о том, тождественны или различны понятия «народ» и «общество», просто употребляю их как синонимы. Так же, как это делал и Л.С. Мамут, в частности, указывавший: «В рамках государства *общество и народ – явления однопорядковые*, по своему "человеческому материалу" *тождественные*» (Мамут Л.С. Указ. соч. С. 31).

⁸ Там же. С. 35–36.

⁹ Там же. С. 36.

власть – совокупная, высшая (один из ее институтов), местная или даже отдельный чиновник. Впрочем, и сам Л.С. Мамут сводил тезис о государстве как публично организованном обществе к вопросу об отношении общества к *власти* (в ее институциональной и человеческой ипостасях).

Говоря об имманентности публичной власти и о недопустимости противостояния ей со стороны общества, Леонид Соломонович не имел в виду «иммунитет» от политической и иной критики. Он писал, что как раз «поддаются перестройкам, разрушению, созиданию варьируемые историей институциональные, ролевые, процессуальные структуры публичной власти. Но это совсем другое по своей сути дело»¹⁰. Главное, что эти перестройки не меняют природу публичной власти.

Действительно, даже революция не может изменить природу власти. Наиболее яркий и, видимо, самый экстремальный пример – попытка Ленина и его последователей создать советское государство как «полугосударство». Поскольку государство понималось ими как машина для насилия одного класса другим («государство-власть»), постольку этому была противопоставлена концепция «государства-общества» («управляют все и, значит, не управляет никто»¹¹), что, собственно, и должно было постепенно сделать государство вообще ненужным. А эта концепция была лишь *доведенным до своей крайности* пониманием государства как публично организованного общества.

Вполне закономерно, что советская государственность, вопреки утопии вождя, отнюдь не становилась более «общественной», напротив, она все явственнее приобретала черты государственности тотальной, где не просто царил произвол, но где понятие «privacy» скукожилось до микроскопических объемов или даже вовсе исчезло. Зато в пропаганде и обосновании собственной легитимности государство, стержень которого (не только фактический, но и нормативный¹²) составлял аппарат КПСС, как раз апеллировало к своему

¹⁰ Мамут Л.С. Указ. соч.

¹¹ Ленин В.И. Марксизм о государстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 116, 229.

¹² Достаточно напомнить о ст.126 Конституции СССР 1936 г., которая гласила, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся» объединяются в партию (тогда ВКП(б), «являющуюся пе-

«народному характеру» и освящало все свои решения и действия именем народа. Да, повторю, это крайность. Но любую теоретическую социальную конструкцию необходимо поверять как раз тем, как она «ведет себя» в крайних, экстремальных условиях.

И если применить такой подход, можно увидеть, что тезис о государстве как публично организованном обществе не вполне точен. Вернее, не вполне точно его интерпретация. И тут осмелюсь поспорить с любимым мною Леонидом Соломоновичем...

Конечно, государство – продукт общества, его развития. Неважно, почему оно возникло – то ли потому, что люди в естественном состоянии порочны, злы и агрессивны, как считал Т. Гоббс, и лишь государственность могла покончить с войной всех против всех¹³; то ли потому, что в естественном (диком) состоянии люди, наоборот, были мягки и нетребовательны, но инстинкт совершенствования привел к неравенству и потому к необходимости государства (Ж.-Ж. Руссо¹⁴). Важно лишь, что государство не данность, а феномен, порожденный людьми. И в этом, но *только в этом*, смысле его можно считать публично организованным обществом.

Однако и с такой оговоркой данное определение не очень точно, поскольку все же *не общество само себя* организует в госу-

редовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую *руководящее ядро всех организаций* трудящихся, как общественных, так и *государственных*». А в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. говорилось: «Руководящей и направляющей силой советского общества, *ядром его политической системы, государственных* (здесь и выше выделено мной. – М.К.) и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

¹³ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 94–98.

¹⁴ «Я предполагаю, что люди достигли того предела, когда *силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии* (выделено мной. – М.К.). Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни. Однако, поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно» (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 208).

дарство, а *власть* (насильственными или правовыми методами). Общество (хотя вначале некая коллективность еще не есть общество) *лишь соглашается* стать государственно-организованным и в этом качестве подчиниться публичной власти. Как верно заметил Х. Ортега-и-Гассет, «государство начинается с того, что *принуждает* сосуществовать группы, природно разобщенные. И принуждение – это не голое насилие, но побудительный призыв, общее дело, *предложенное* (выделено мной. – М.К.) разобщенным»¹⁵. И поэтому ни одна «власть на Земле не держалась на чем-то существенно ином, чем общественное мнение. ...Даже тот, кто намерен управлять с помощью янычар, вынужден считаться с их мнением и с мнением о них остального населения»¹⁶.

Это, кстати, объясняет, почему *оккупированная территория* не является государством, хотя формально тут присутствуют все элементы «трехчленки»: и территория, и власть, и население. Скорее всего, дело в неточности элемента «население». Речь должна идти не о населении, а о народе, который, кстати, может быть и без территории, но у которого есть чувство некоего единства, основанного на согласии принять тот самый «побудительный призыв», исходящий от власти. Здесь главное, что власть признается как своя независимо от того, нравится она или не нравится. Коммунисты в 1990-е гг. очень точно уловили этот момент, когда организовывали демонстрации с лозунгом «Долой оккупационную власть (оккупационный режим)». Но показательно и то, что они не смогли внушить скольконибудь большому числу людей мысль о чуждости существующей публичной власти.

Итак, общество в целом не способно к самоорганизации (разве только к военной). Лишь отдельные его группы могут самоорганизовываться, но только *там, где уже гарантирован* определенный порядок жизни – *гарантирован наличным государством*. В противном случае они попросту предстанут «сторонами в войне всех против всех».

Говорю об этом вовсе не для того, чтобы провести мысль о неизбежной отчужденности общества от государства (я как раз согласен с Л.С. Мамутом в его неприятии взгляда на государство как

¹⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 154.

¹⁶ Там же. С. 119.

вынужденное, притом внешнее зло), а чтобы подчеркнуть опасность идеи онтологической нераздельности государства и общества.

Такая идея, помимо прочего, ведет к теоретическому обоснованию *снятия ответственности с публичной власти* или, как минимум, *диффузии такой ответственности*. Сказанное не означает, что народ вообще не может быть субъектом ответственности и что к нему неприменима категория виновности/невиновности. Нет, конечно же. Но природа и характер ответственности публичной власти отличаются от ответственности народа.

В упоминавшейся выше работе Л.С. Мамута проблеме ответственности народа посвящена отдельная глава. И в ней со свойственным ему жаром (мне вообще нравится его эмоциональный стиль, отнюдь не вредящий высокому качеству научного анализа) он совершенно справедливо отстаивал мысль о субъектности народа, в том числе народа России, в которой ему отказывали и отказывают весьма многие.

Однако, боюсь, здесь все мы попадаем в *философскую, правовую и лингвистическую ловушку*. Состоит она, как представляется, в том, что исследователи используют понятия, рожденные для вполне определенных феноменов, и распространяют их на феномены, сама природа которых эти понятия отторгает. Тем не менее мы упорно пытаемся втиснуть явления в прокрустово ложе известных понятий. И часто кажется, что получилось все логично, но кто-то другой, посмотрев на конструкцию «свежим глазом», показывает, как «часть феномена явно выпирает из нашей теоретической конструкции».

Это относится и к вечному вопросу об *ответственности народа*. Леонид Соломонович правильно считал, «что исследование ответственности как таковой, но в особенности проблемы ответственности народа, есть весьма рискованное занятие. В некотором роде оно напоминает проход по минному полю. Одно неосторожное движение (слово) – и взрыв. Взрыв негодования, обвинений, опровержений и проч. Слишком жгучей по своему социально-политическому смыслу является данная проблема»¹⁷.

Однако проблема заключается не в «неосторожном слове», а в том, что, во-первых, нельзя согласиться с «легитимацией» понятия *коллективной* ответственности, ибо это в корне противоречит и христианским принципам, и идее свободной воли (что, впрочем, тоже

¹⁷ Мамут Л.С. Указ. соч. С. 103.

есть христианский принцип). Во-вторых, неопределенное понятие «ответственность», тем более «ответственность историческая», зиждется на столь же неопределенных понятиях, прежде всего понятии «народ». Поэтому *ответственность народа – это уже даже не юридическая фикция, а химера.*

Как бы мы ни хотели иного, но вынуждены использовать в политике, праве, обыденной жизни лишь *условные* понятия: «народный суверенитет», «народ», «государство», «воля народа», «общая воля» и т.п. Но если мы понимаем, что такого рода понятия условны, то должны остерегаться использовать их в таком духе, в таких конструкциях, будто речь идет о чем-то строго установленном, имеющем четкие границы и содержание. Например, можно называть всеобщие выборы президента всенародными, но при этом мы обязаны понимать, что за того или иного кандидата проголосовал не весь народ, а только большинство, к тому же зачастую не абсолютное. Равным образом мы не можем отвлечься и от воздействия публичной власти на выражаемую обществом волю. Особенно сейчас, в эпоху информационных технологий и применения разнообразных методов психического воздействия. Если мы забываем об условности, то принимаем в виде фактов всевозможные спекуляции типа «народ желает», «народ поддерживает» и проч.

Ответственность предполагает свободу воли и свободу выбора. А всегда ли у народа есть выбор? Если в стране царят диктатура, жесточайшие репрессии и атмосфера страха, можно ли говорить об ответственности народа? Л.С. Мамут обильно цитировал К. Ясперса и, в частности, приводил его слова о том, что «безусловная политическая покорность вождю» является виной. Но можно ли обвинять кого-то за гражданскую пассивность, если активность грозит тюрьмой или гибелью самому человеку или его близким? Насколько вообще это соответствует принципам права? И почему о принципах права забывается, как только речь заходит об ответственности народа?

Обвинять можно лишь тот народ, который свободен, но сам избирает путь рабства. Как тут не вспомнить Ж.-Ж Руссо, писавшего: «Отказаться от своей свободы – это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей. Невозможно никакое возмещение для того, кто от

всего отказывается»¹⁸. Но даже если мы и обвиняем какое-то общество в отказе от свободы, в покорности диктатору, то это обвинение может быть только моральным, не предполагающим никакой меры ответственности со стороны внешней инстанции. Народ этот и без того уже наказан, хотя сам до поры не понимает того.

У Л.А. Тихомирова – бывшего народника, ставшего верным монархистом, – есть рассуждения об ответственности народа и монарха перед Богом. Любопытно, что он также говорил о слиянии народа с царем, но о таком, когда субъектность остается за каждым. Приводя пословицы и поговорки на эту тему, Л.А. Тихомиров писал: «"За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует", и в этой взаимной ответственности царь стоит даже на первом месте. "Народ согрешит – царь умолит, а царь согрешит – народ не умолит"¹⁹. Идея в высшей степени характеристичная. Легко понять, в какой безмерной степени велика нравственная ответственность царя при таком искреннем, всепреданном слиянии с ним народа, когда народ, безусловно ему повинуясь, согласен при этом еще отвечать за его грехи перед Богом» (выделено мной. – М.К.)²⁰.

Атеистическая (агностическая) мысль не приемлет тезис ответственности перед Богом. Но тогда, рассуждая в рационалистическом плане, лучше вообще не говорить об ответственности народа перед кем-либо или перед чем-либо. Отвечать, повторюсь, могут лишь конкретные люди – и юридически, и морально. А негативные явления, заставляющие страдать людей, народ переживает не в качестве своей ответственности, а в качестве следствий деятельности бездарных и (или) злоупотребляющих властью политиков и правящего класса. Это вовсе не есть обоснование гражданской демобилизации общества. Напротив, демобилизует как раз идея государственно-организованного общества. За ней прячется (и потому не сразу видна) другая идея – слияния общества и публичной власти. Она – эта идея – как бы представляет власть слепком с общества и тем самым

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 204.

¹⁹ Здесь, видимо, ошибка (то ли у Тихомирова, то ли в издании), поскольку по смыслу предложения получается: кто-то умоляет народ, но умолить его невозможно. Речь же идет о следующем: «Народ согрешит – царь *отмолит*, царь согрешит – народ не *отмолит*» (в такой редакции эту пословицу я и услышал в первый раз).

²⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 241.

обеляет власть, снимает с нее ответственность, позволяет спекулировать понятием «народ» и скрываться за ним.

Об одном я горько жалею – о том, что излагаю свои мысли в монологическом ключе, ибо уже не смогу поделиться с Леонидом Соломоновичем своими сомнениями по поводу горячо поддерживаемой им идеи, о которой здесь шла речь.

Библиография

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991.

Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. 2-е изд. СПб., 1908.

Ленин В.И. Марксизм о государстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33.

Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М., 1999.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.

Чехов А.П. Палата № 6 // Чехов А.П. Сочинения. В 18 т. Т. 8. М., 1985.

Шестов Л. Достоевский и Ницше // Шестов Л. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. Л.В. Полякова. М., 1995.

Труды Института государства и права РАН
№ 2 (54) 2016

Редактор *Е.Ф. Варварина*
Корректор *О.В. Мехоношина*

Подписано в печать 11.03.2016 г. Формат 60x90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.
Тираж 300 экз. Заказ №

Институт государства и права Российской академии наук

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, 10